

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

У Крысолова была флейта,
чьего голоса невозможно
было слушаться...

Эхо флейты
из Гаммельна

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Эхо флейты из Гаммельна

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Эхо флейты из Гаммельна / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2026 — (Артефакт & Детектив)

Напряжённое расследование и тёмные легенды, где реальность постепенно открывает нечто куда более опасное. История о загадочном письме, забытом прошлом и голосе, которому невозможно сопротивляться. Саша Карпова получает загадочное письмо с назначением встречи в кафе «Каналетто» и неожиданно оказывается втянута в цепочку страшных событий. Вместо ответа на вопросы о своем прошлом она находит убитую незнакомку с таким же таинственным письмом. По ходу расследования Саша узнает, что ее детство, любимая старая книга и исчезнувшие воспоминания связаны с давней тайной, в которой переплелись похищенные дети, демонический Нибрас и вернувшийся из небытия Крысолов. Чтобы выжить и добраться до правды, ей придется собрать воедино разбросанные осколки прошлого и понять, кто за ней охотится.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н. Н., 2026
© Эксмо, 2026

Наталья Александрова

Эхо флейты из Гаммельна

© Александрова Н. Н., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

В лифте я посмотрела на часы. Похоже, что сегодня я опять опоздаю на работу и начальник обязательно поставит на вид. То есть, увидев меня, он поднимет глаза и укоризненно покачает головой, а потом постучит по своим дорогушим часам и театрально разведет руками – дескать, что случилось на этот раз? Снова авария на транспорте или вашу квартиру залил сосед сверху? Или ваша престарелая тетя вышла выносить мусор и захлопнула дверь и вам пришлось срочно лететь к ней на такси? Не оставлять же старушку одну на лестнице!

А я в ответ буду прижимать руки к сердцу и выражать глазами полное, искреннее раскаяние и обещание, что больше никогда, никогда такого не повторится.

Самое интересное, что ни разу я не врала начальнику про аварию и про соседа, а уж про тетю и подавно. Нет у меня никакой тети. И дяди тоже нету. Если честно, то у меня вообще нет никаких родственников. Не считая Лелика, но Лелик – это совсем другой случай. Но о нем после, а возможно, что и никогда.

Двери лифта открылись, и я приготовилась бежать, но была остановлена Маркусом. Маркус – это доберман, который живет наверху с тем самым соседом, который фигурирует в наших с начальником разговорах, только сосед никогда меня не заливал. Антон вообще очень аккуратный и обязательный человек.

Маркус – собака серьезная, но ко мне относится неплохо. Сейчас он заскочил в лифт, но не стал ставить грязные лапы на пальто, а только лизнул меня в руку и утащил перчатку. Мне некогда было с ним нежничать, и он понял и не обиделся.

– Слушай, у тебя там письмо из ящика торчит! – крикнул Антон из лифта. – Может, важное?

Почтовый ящик я опустошаю примерно раз в месяц, когда многочисленные рекламные буклеты начинают вываливаться на пол.

Я подошла к ящикам и вытащила письмо, оно и правда собиралось упасть.

Конверт был белый, длинный, глянцевый, вместо марки в правом верхнем углу был нарисован простенький цветок – стилизованная ромашка. Такой цветик-семицветик, как в детской книжке, только в нем не семь лепестков, а пять. Серединка желтая, а лепестки белые, кроме одного, фиолетового.

Адрес на конверте был отпечатан на компьютере. Адрес мой – улица, номер дома, квартира, а дальше стояла фамилия: Аскольдова. Аскольдова А. А.

Александр Алексеевна. Только я не Аскольдова, а Карпова. Рыба такая есть – карп. В магазине продается.

Я стояла и смотрела на конверт. И думала: что все это значит?

Ошиблись на почте? Да нет, адрес мой и имя мое. И фамилия... фамилия, кажется, тоже моя.

Потому что раньше у меня и правда была фамилия Аскольдова. До тех пор, пока меня не удочерили Лелик и Ляля. И дали мне свою фамилию – Карпова.

Лелик и Ляля... так они себя называли, и я так их звала...

Я очнулась от несвоевременных, нежелательных мыслей и потрясла головой. Нашла время размышлять, я же на работу опаздываю!

Конверт я открыла в метро. Там был всего один листок бумаги, на нем несколько слов:

«Завтра, 16:00, Каналетто».

Что такое Каналетто? Вроде бы художник такой был... из Венеции, кажется...

Ага, в Венеции каналы... Вот и он Каналетто.

И я вспомнила, что на канале Грибоедова есть кафе, которое так и называется – «Каналетто».

Значит, кто-то решил назначить мне встречу в этом кафе. Завтра в четыре часа... И что? Ни подписи, никаких объяснений, и он думает, что я побегу в это кафе и буду там растерянно оглядываться и выглядеть полной дурой.

Скорее всего, это чья-то шутка, розыгрыш.

Да, но фамилия... Никто из моих знакомых не знает этой фамилии...

Но все равно я не могу пойти туда в четыре часа, я вообще-то работаю...

Тут я сообразила, что едва не проехала свою остановку, а дальше все мысли вылетели из головы, кроме одной: как бы проскочить в офис, чтобы начальник не увидел и не начал закатывать глаза, качать головой и разводить руками.

И вы не поверите, но звезды в этот раз были ко мне благосклонны, потому что начальника не было. Не было нигде: ни в его кабинете, который отгорожен от общего помещения стеклянной стенкой, ни в общем зале, потому что есть у него такой пунктик: он не вызывает сотрудников к себе, а предпочитает сам подходить к их рабочему месту, говорит, что это более демократично.

А на самом деле все знают, что так начальник просто хочет выяснить, чем сотрудник занимается.

Не было начальника и возле кофемашины, потому что секретарша не носит кофе ему в кабинет, он сам заваривает себе кофе и потом идет через помещение с горячей чашкой, утверждая, что это тоже гораздо демократичнее.

На это в коллективе тоже есть свой ответ, потому что Светка-секретарша обладает совершенно отвратительным характером. Она вечно всем недовольна, вечно у нее кислое лицо, так что, когда она входит в кабинет с чашкой кофе, у начальника небось всякое желание пропадает его пить.

Так вот сейчас начальника нигде не было видно, и когда я столкнулась со Светкой, то увидела у нее на лице самую настоящую улыбку. Обычно-то лицо у нее каменное, не то что улыбки или добрых слов, а кивка в виде приветствия и то не дожидаться.

– Опаздываешь, Сашура? – пропела Светка.

– Привет, а наш-то где? – одними губами спросила я.

– Не будет его сегодня!

– Что, заболел?

– Хуже! – выпалила Светка, так что я даже остановилась в недоумении.

Что может быть хуже? Не помер же он в одночасье?

– К нему теща приехала! – пояснила Светка. – А это такая тетка – ужас, летящий на крыльях ночи! Ты не знала, что ли?

– Откуда? Я и жену-то его ни разу не видела...

– Это точно, ты у нас не так давно работаешь, а мы тоже ее не видели. Думали даже, что ее вообще нету, пока Аделаида из бухгалтерии не сказала, что в паспорте она есть, а штампа о разводе нету.

– Раз теща есть, то и жена должна быть, – сказала я, а потом посмотрела на календарь и поняла, что сегодня пятница, стало быть, завтра суббота, то есть выходной.

И это хорошо, потому что я могу пойти к четырем часам в кафе «Каналетто» и выяснить, кто прислал мне загадочное письмо и что ему от меня надо.

Потому что было у меня минутное поползновение выбросить злополучный конверт вместе с письмом в мусорный бак, если бы... если бы не фамилия.

Фамилия Аскольдова была у меня до тех пор, пока меня не удочерили Лелик и Ляля. И я стала Карповой, как они.

Но про это я уже говорила.

Было это больше двадцати лет назад, и в новую школу я пошла уже под новой фамилией, так что мои одноклассники не знали, что родители у меня приемные.

Лелик провел со мной серьезную беседу и очень просил никому про это не рассказывать. Да и сама я понимала, что ничего хорошего не выйдет, если окружающие узнают правду.

Некоторое время меня доставала женщина-психолог. Меня водили к ней каждую неделю, и она задавала какие-то странные, бессмысленные вопросы. А когда я осмелилась и спросила ее, знает ли она, кто мои настоящие родители, что с ними случилось, она долго смотрела на бумаги, выложенные на столе, потом закрыла папку и сказала Лелику, что больше меня приводить не нужно.

Лелик был только рад.

Я спрашивала психолога, потому что ничего не знала о своем раннем детстве. Больше того, я мало что помнила. Не было у меня ни воспоминаний, ни фотографий, и мелькало в словах психолога выражение «детская травма». А в чем там было дело, никто не говорил.

В общем, единственное, что я помню, – это фамилия. И только потому, что нашла как-то в Лялиных вещах какую-то старую справку.

Начальник не явился в офис даже после обеда, так что мы прекрасно провели время. Как все время говорит Светка: каким образом по одной путевке может отдохнуть двадцать человек? Если эту путевку приобретет начальник.

До обеда мы еще пытались что-то делать, а после обеда пили кофе и сплетничали про начальника. Потому что к нам зашла Аделаида из бухгалтерии и кое-что про него рассказала.

Оказалось, что жена у него как бы есть (вот видишь! – ткнула я Светку в бок), но, с другой стороны, ее как бы и нету. Потому что жена его не то археолог, не то палеонтолог, не то еще кто-то, в общем, она что-то выкапывает – не то камни, не то кости – и потом это исследует.

Причем выкапывает она это не в Ленинградской области, а в Африке. Или в Азии, а может, вообще в Австралии, словом, очень далеко. И очень редко бывает дома. А теща живет в другом городе и приезжает иногда погостить, причем отчего-то время выбирает точно тогда, когда дочери ее нету дома.

«Странная женщина», – сказали мы хором, но Аделаида только хмыкнула и не стала дальше развивать эту тему, возможно, потому что рабочий день кончился.

Ночью мне приснился странный, тягостный сон.

Мне снилось, что я иду по вымощенной камнем ночной дороге. Дорога эта залита лунным светом – густым, обманчивым, превращающим знакомые вещи в удивительные и волшебные. Лунный свет заливал дорогу, как серебристая вода, и я иду по колено в этой светящейся воде, преодолевая ее сопротивление.

Я иду по этой дороге не одна – вокруг меня много детей, которые идут туда же, в ту же сторону, что и я, так же, как я, расплескивая ногами лунный свет...

И я... я тоже ребенок.

Я вглядываюсь в лица тех, кто идет рядом со мной... но как раз лиц у них нет, на месте лиц – белые маски, маски без глаз, без ртов, без каких-то примет.

Куда мы все идем и почему?

Куда – никто из нас не знает, но идем мы потому, что нас зовет какой-то голос...

Голос, которому невозможно сопротивляться. Чудесный, волнующий голос, обещающий радость и надежду...

Мы пойдем за этим голосом куда угодно...

Впереди из лунного света возникает отвесная каменная стена. В этой стене темнеет круглое отверстие... вход в темноту, в неизвестность.

Я не хочу идти туда – но голос, тот самый волшебный голос, зовет меня, зовет нас всех...
И передние ряды детей послушно идут за этим голосом, послушно входят в темный зев пещеры.

И я вхожу туда...

И снова, как много раз до того, сон становится разорванным, обрывочным.

Я вижу темные сводчатые коридоры, освещенные дымными факелами. Нигде никаких окон... видимо, это подземелье...

Я знаю, что я здесь не одна – ведь я пришла сюда в толпе, – но сейчас я больше никого не вижу...

Я бреду по этим коридорам, пытаюсь найти выход, сворачиваю раз за разом...

И вдруг передо мной возникает новое и пугающее видение.

Кафельный пол... и на нем растекается красная лужа... кровавая лужа...

Я вскрикнула – и проснулась.

Проснулась дома, в своей комнате, в своей постели.

И только свет, волшебный и обманчивый лунный свет, заливал комнату, как заливал дорогу из моего сна...

Я отдышалась, снова легла, не надеясь опять заснуть...

Но тем не менее почти сразу заснула и на этот раз не видела больше никаких снов.

– Сделайте же наконец что-то с этими крысами! – булочник герр Мюллер стукнул кулаком по столу. – Мы несем ужасные убытки! Если вы не справитесь с крысами, мы будем разорены! Мы, добропорядочные горожане, жители Гаммельна...

– Мы перепробовали уже все средства! – советник герр Краузе опустил голову. – Мы поручили борьбу с крысами городскому палачу. Он ставил крысоловки, но ни одна крыса в них не попала; он разбросал отраву в местах, где этих созданий больше всего, но передохли только кошки, крысам хоть бы что; он выписал из Нюрнберга особенного пса-крысолова, но крысы сожрали этого пса...

– Но скоро мы все разоримся! За что мы платим налоги?

Заседание городского совета длилось уже третий час.

Члены магистрата обсуждали главную проблему города – немислимо расплодившихся крыс...

Мало того что мерзкие грызуны поедали припасы – они собирались огромными стаями и нападали на людей...

Вдруг в зал совета вошел сторож Ганс и, деликатно откашлявшись, проговорил:

– Господа советники, там пришел какой-то чужеземец, он хочет, чтобы вы его выслушали.

Герр Краузе недовольно взглянул на сторожа.

– Ты что, не видишь, что мы заняты важным вопросом?

– Но, герр советник, этот чужестранец утверждает, что пришел именно по этому вопросу.

– Откуда он знает, о чем мы говорим? Впрочем, коли так, пусть войдет! Мы его, так и быть, выслушаем.

Сторож вышел, и почти сразу на пороге зала появился странный человек. Долговязый, сутулый, с длинными салными волосами, в долгополом поношенном камзоле, тут и там покрытом разноцветными заплатами, которые делали незнакомца похожим на ярмарочного шута.

Лицо его, с длинным крючковатым носом и круглыми темными внимательными глазами, приводило на память какую-то большую любопытную птицу или, скорее, огромную крысу.

– Что вам угодно, сударь? – осведомился герр Краузе, оглядев пришельца.

– Мне угодно предложить вам свои услуги, – ответил незнакомец странным каркающим голосом. – До меня дошли слухи, что вас изводят крысы. Я могу избавить вас от них. Раз и навсегда.

Герр Краузе переглянулся с остальными советниками, затем проговорил:

– Сударь, вас послал сам всемогущий Господь! Крысы и правда измучили нас. Мы терпим от них огромные убытки и невыносимые страдания. Но как вы намерены от них избавиться? У вас есть какая-то особенная трава?

– Это мой секрет, господа. Но уверяю вас, я очень быстро избавлю ваш город от этих мерзких существ. Но предупреждаю вас: мои услуги стоят недешево.

– Мы готовы заплатить сколько угодно, лишь бы избавиться от этой напасти!

– Хорошо, господа. Если вы согласны заплатить мне двести гульденов, я возьмусь за эту работу.

– Двести гульденов?! – переспросил герр Краузе и переглянулся с остальными советниками. – Однако! Это очень большие деньги. Слишком большие...

– Что ж, если вы не согласны – я пойду... предложу свои услуги в другом городе...

– Нет-нет, сударь! Мы согласны. Но учтите – мы заплатим вам только в том случае, если вы изведете всех крыс. Всех! И ни пфеннига аванса!

– Разумеется! – незнакомец кивнул.

– Что ж, по рукам...

Когда крысолов вышел из ратуши, члены совета заговорили буквально в один голос:

– Однако двести гульденов – это очень дорого!

– Мы несем очень большие убытки из-за крыс, и, если он действительно избавит от них город, мы будем в выигрыше. Кроме того, вы ведь слышали – мы обещали заплатить только в том случае, если он изведет всех крыс. Всех! Неужели вы думаете, господа, что этот длинноволосый чудак сможет сотворить такое чудо?

На следующее утро я спала долго, потому что решила не ходить на фитнес, как-то мне стало лень. Знаю, что это плохо, но отчего-то проявила слабость. Возможно, потому что приснился мне тот самый сон.

Этот сон я раньше видела часто и каждый раз пыталась выяснить подробности. Но ничего не получалось, только какие-то обрывки: залитая лунным светом дорога, потом темные сводчатые коридоры, освещенные факелами, огромное пространство без окон, то есть, очевидно, оно находилось под землей. И я точно знаю, что не одна, но не вижу людей и не слышу голосов, только ощущаю чье-то присутствие...

Потом вдруг все заливают очень яркий свет и я просыпаюсь.

Но на этот раз во сне было что-то новое – кровавая лужа на кафельном полу...

Давно я не видела этого сна, с тех пор как стала жить самостоятельно. Новая квартира, новая работа, новые друзья, все новое... Ну не помню я своего раннего детства, так и что с того? Скорее всего, там и вспоминать нечего.

И вот снова этот сон.

Так что я почти решила пойти на встречу в кафе «Каналетто».

Но потом мне снова попался на глаза злополучный конверт, и кто-то невидимый как будто твердил в голове: «Не ходи, не ходи никуда, будет плохо...»

Не могу сказать, что я слишком доверяю этому голосу, но что, если эта встреча поможет мне что-то узнать о себе самой?

Другой вопрос, нужно ли мне это знать... Мне, в общем, и так неплохо.

И тут я вспомнила, что во всех спорных и сомнительных случаях мне есть с кем посоветоваться. С кем – или, точнее, с чем.

С самого раннего детства – вернее, с того времени, с какого я себя помню, – у меня осталась однаединственная вещь.

Книга.

Я выдвинула ящик стола, запустила руку в глубину и нашарила там ее, эту самую книгу. Небольшую книжку карманного формата, в мягкой глянцевой обложке.

На этой обложке был нарисован какой-то мрачный средневековый город. Темные каменные дома с крутыми черепичными крышами, вымощенная булыжником улица, а по этой улице сплошным потоком идут бесчисленные крысы...

Большие и помельче, старые и совсем маленькие, размером с мышку. Все они целеустремленно шли в одном направлении.

За то время, что я ею пользовалась, эта книга здорово истрепалась, но название вполне можно было прочитать: крупными готическими буквами на обложке было написано «Флейта крысолова».

Вот с этой-то книгой я и советовалась во всех спорных случаях, во всех ситуациях, когда оказывалась перед сложным выбором.

Вот как сейчас.

Я положила книгу перед собой на стол, затем вслепую открыла и ткнула в середину страницы.

Затем посмотрела, на какую строчку указывает мой палец.

И прочитала, что говорит мне книга:

«Они шли за крысоловом, не оглядываясь и не задавая никаких вопросов».

Они шли...

Значит, книга однозначно говорит мне, что нужно идти... И не сомневаться.

Погода для начала апреля была солнечная, хотя ночью все еще подмораживало, так что тротуары были чистые, и я надела новые сапоги и пальто, которое покупала в прошлом году. Пальто было светлое, возможно, поэтому в магазине сделали большую скидку.

Я вошла в кафе и огляделась.

Стены кафе были расписаны видами Венеции – каналы, гондолы, горбатые мостики.

Ну да, кафе называется «Каналетто», значит, оформление должно соответствовать.

В этот час здесь было малоллюдно, несмотря на выходной, и я сразу обратила внимание на молодую темноволосую женщину за столиком возле окна.

Для начала – она была на вид того же возраста, что и я.

Кроме того, в ней было что-то удивительно знакомое. Нет, не во внешности – внешне она ничем особенным не выделялась. Но ее взгляд, выражение ее лица... в ней чувствовалось какое-то затаенное, давнее одиночество. У нее был взгляд человека, у которого во всем мире нет ни одной родной, близкой души.

Я удивилась и тут же одернула себя. С чего вдруг я так подумала о совершенно незнакомой девушке? Да я ее первый раз вижу!

«Отбрось эмоции и включи логику!» – советует в таких случаях мой сосед Антон.

Говорила уже, что у нас с соседом хорошие отношения, а с его доберманом Маркусом просто любовь до гроба. С его стороны.

Так что я включила логику и сообразила, что в полупустом зале только эта девушка сидит одна. Была там еще сильно немолодая пара, они толковали о чем-то вполголоса и не смотрели по сторонам. Были родители с двумя девочками-близняшками, эти уж точно никого не ждут, был парень, который стучал по клавишам ноутбука...

И только эта девица сидела одна и ничего не делала, даже в телефон не смотрела. «Она, – подумала я, – больше некому...»

Я подошла к ее столику и спросила, не трата времени на предварительные разговоры:

– Ты тоже получила письмо?

Она вздрогнула, окинула меня изучающим взглядом и проговорила:

– Садись.

Я села и внимательно посмотрела на нее.

– Итак?

– Ну да. Получила. – Она махнула рукой официантке и посмотрела на меня вопросительно.

– Мне обычный, черный...

– Мне тоже, – сказала она, – не люблю молоко добавлять и сиропы разные, только вкус портить.

Я тоже пью только черный и тоже не люблю портить вкус кофе, но ничего не сказала.

Официантка принесла наш кофе.

Я проводила ее взглядом и снова посмотрела на свою собеседницу. Если, конечно, можно так назвать человека, с которым ты молча переглядываешься.

А она поднесла к губам чашку, отпила кофе, поставила чашку на стол и снова взглянула на меня.

– Думаю, больше никто не придет...

– А должны?

Она взглянула на меня искоса и проговорила:

– Ты ведь видела цветок? У него пять лепестков.

– Что? – спросила я удивленно. – О чем это ты?

Вдруг она закашлялась, лицо ее покраснело. Она вскочила, махнула рукой и проговорила, точнее прохрипела:

– Я... сейчас...

И убежала в сторону туалета.

Я проводила ее удивленным взглядом, попробовала свой кофе.

Кофе как кофе...

Может, она просто поперхнулась.

Или у нее аллергия? Но тогда зачем она взяла кофе?

Я пила кофе маленькими глотками и посматривала на часы.

Что-то она слишком долго...

Может, раздумала разговаривать со мной и решила сбежать под благовидным предлогом?

Да нет, вот же ее сумка, осталась на стуле...

А может, ей стало плохо? Может, она там задыхается, а я ни сном ни духом... Никто не заходил в туалет, потому что семейство с девочками ушло, остальные тихо сидели за своими столиками.

Я уже сильно беспокоилась.

В конце концов решила проверить, что с ней.

Встала и взяла обе сумки – свою и ее.

Не годится оставлять сумки без присмотра, кто знает, что там – документы, деньги...

Вот, кстати... Я поймала взгляд официантки и положила на стол деньги за две чашки кофе. Ничего, не обеднею.

С двумя сумками на локте я зашла в дамскую комнату...

И застыла на пороге.

Девушка лежала на кафельном полу, лицом вниз. Вокруг ее головы расплылась темно-красная лужа.

– Господи, да что же это!

С этими словами я наклонилась над ней, дотронулась до шеи... При этом голова ее повернулась, и я увидела ее лицо с открытыми глазами.

Пульса не было – хотя, может, я не там проверяю...

Зато теперь я разглядела, что из ее шеи, у самого основания затылка, торчит длинная и толстая игла или булавка. Вокруг этой булавки волосы потемнели от крови.

И еще я увидела, что ее правая рука была протянута в сторону, указательный палец вытянут, а под ним на кафеле...

Под ним на кафеле было выведено чем-то красным несколько корявых, едва различимых слов...

Чем-то красным?

Нечего прятать голову в песок!

Эти слова были написаны тем же, что растеклось вокруг головы несчастной.

Кровью.

С трудом я прочла эти слова...

«Он вернулся. Беги».

И чуть ниже едва различимые буквы сложились в еще одно странное слово – «Нибрас».

Прочитав его, я вдруг почувствовала пробежавший по позвоночнику озноб.

Это слово показалось мне странно знакомым... знакомым и пугающим.

Я поднялась, огляделась.

Случайно мой взгляд упал на зеркало.

Я увидела в нем свое отражение и невольно поразились тому, как оно похоже на мертвую девушку – то же потерянное, отчужденное выражение лица, то же затаенное, давнее одиночество. Только теперь еще прибавился страх.

В ушах у меня бухало – и сквозь этот назойливый шум пробивался один и тот же неотвязный приказ: «Беги! Беги! Беги!»

И вдруг мне померещилось, что за моей спиной кто-то стоит... какая-то пугающая, смутно знакомая тень...

И сквозь шум в ушах прозвучало непонятное, но пугающее до жути слово – «Нибрас»...

Я вылетела из женской комнаты, но под влиянием какого-то неосознанного импульса бросилась не в зал, из которого пришла, а в другую сторону.

Я пробежала по безлюдному коридору, мимо двери, из-за которой доносились специфические звуки и запахи кухни, и вылетела на улицу, точнее во двор...

Черт, черт, черт! Ну надо же было такому случиться!

Я заставила себя остановиться и оглядеть двор. Ничего особенного, двор как двор, в меру грязный, в меру запущенный, пахнет кухней от вентиляции. Ворота закрыты на замок, пара машин стоит возле подъезда, мусорные баки переполнены...

Что я делаю? Зачем я убегаю? Потому что незнакомая девица написала мне несколько слов на полу в туалете?

С каких это пор я слушаюсь чужих приказов?

«Включи логику!»

И я сообразила, что девицу найдут, если уже не нашли. И поймут, что ее убили. Когда такая штука из шеи торчит, тут никак не подумаешь, что она сама упала. И вызовут полицию, и расскажут ей, что мы сидели вместе, пили кофе, потом она пошла в туалет, а я – за ней. И пропала, а она – вон лежит, мертвая.

В туалет никто посторонний не заходил, стало быть, кто ее убил? Правильно, я. Мужика не поделили или еще что-нибудь, вот и мотив. А что я ее первый раз вижу, то кто мне поверит? Тем более если письмо покажу, это вообще ерунда какая-то...

Так что нужно литься отсюда. И побыстрее. Делать ноги, рвать когти и так далее.

Я не решилась пересекать двор, а пошла вдоль дома до ворот. Миновала мусорные баки, обогнула машину, нажала кнопку, и открылась небольшая калитка.

Я вышла не на набережную канала, а в узкий переулок. И пошла, стараясь не бежать и не оглядываться.

До метро я пробиралась переулками и только на подходе поймала взгляд встречной женщины и осознала, что у меня на локте болтаются две сумки.

Да, хороша бы я была, войдя с ними на станцию метро!

Сумки были примерно одного размера и чем-то немного похожи. Что делать? Выбросить вторую сумку? Нельзя, у них тут везде камеры, увидят, найдут...

Черт, нужно было ее там во дворе бросить! И забыть всю эту историю, как страшный сон! А теперь что делать?

Я достала непрозрачный пакет и убрала вторую сумку подальше.

И только в вагоне метро перевела дух и заметила, что руки дрожать перестали. Наверно, я правильно сделала, что убежала. Но все-таки – что вообще происходит? Кто прислал мне письмо и кто такой *он*, про кого она написала: «Он вернулся!»

Очевидно, он очень опасен, если она велела мне бежать. А сама не успела...

Дома я первым делом заперлась на все замки и открыла чужую сумку. И первое, что там увидела, был конверт. Точно такой же, какой лежал у меня в сумке.

Адрес на нем был напечатан точно таким же шрифтом, что и на моем конверте.

Только адрес другой.

Улица профессора Голубикина, дом 17, квартира 8.

Аскольдовой Анне Васильевне.

Обратного адреса не было, а в правом верхнем углу был цветок. Стилизованная ромашка, пять лепестков, только на моем конверте один лепесток был фиолетовый, а тут – красный. И по порядку лепесток был другой.

Внутри был точно такой же листок и надпись та же.

«Завтра, 16:00, Каналетто».

И больше ничего. Значит, она получила вчера точно такое же письмо, как я, и так же удивилась, потому что фамилия Аскольдова показалась ей странной.

Хотя что это я? Может, у нее такая фамилия и есть, может, она ее при рождении получила. Может, у нее большая дружная семья и все Аскольдовы.

«Это вряд ли», – тут же возразила я самой себе, «включив логику».

Если бы у меня была большая семья, я бы не поперлась на встречу неизвестно с кем, получив странное письмо. В наше время люди писем не пишут, а если пишут, то сообщения текстовые. Или по электронной почте связываются.

Наконец, позвонить можно. Представиться, мол, я такой-то и такой-то, нужно нам с вами встретиться, потому что у меня есть для вас важная информация.

И что бы я сделала, услышав такое по телефону? Да просто послала бы говорившего подальше, посчитав такой звонок очередным мошенничеством. А уж если и пришла бы в это «Каналетто», будь оно неладно совсем, то прихватила бы кого-нибудь с собой. Брата двоюродного или приятеля сестры.

Отчего-то я уверена, что близких друзей у этой Анны не было. Как, впрочем, и у меня.

Сосед есть хороший, Антон. И Маркус, вот этот-то готов за меня в огонь и в воду. Так, может, Антону рассказать? О том, что при мне убили неизвестную девушку, а я вместо того, чтобы вызвать полицию, просто сбежала?

Да еще и сумку ее утащила, так что в полиции долго не смогут узнать, кто она такая.

Нет, нельзя. Антон очень правильный человек, ему такое не понравится.

Я перебрала вещи в сумке. Ничего особенного, обычный набор. Косметичка, кошелек, денег мало, пара кредитных карт, купоны на скидку... Ни телефона, ни ключей от квартиры в сумке не было; очевидно, Анна носила их в кармане, как и я.

Но все же кем она была? И почему нам прислали одинаковые письма? Нам не дали поговорить, а жаль, потому что она явно знала больше меня, раз велела бежать и спасаться.

Перед моими глазами все еще было ее лицо, когда я увидела ее мертвой на полу. В лице ее не было страха, хотя, несомненно, она видела своего убийцу. И узнала его, просто покорила судьбе, видно, не ждала уже больше от жизни ничего хорошего.

В моих ушах все еще звучал ее голос:

«Думаю, больше никто не придет».

Я осознала, что эта Анна была на меня чем-то неуловимым похожа.

В ее лице было затаенное одиночество... как и у меня? Неужели у меня тоже бывает такое лицо?

Глупости, я никогда не ощущала такой безысходности. Все у меня нормально: есть своя квартира, есть работа, нет долгов...

Но, с другой стороны, у меня нет родителей (Лелик не в счет), нет братьев и сестер, нет бабушек и дедушек, даже тети какой-нибудь двоюродной и то нету. Ну, это уж лишнее, говорит же Светка, что родственники приходят только на похороны, а в жизни от них нет никакой пользы.

Но фамилия Аскольдова...

Я знала, что сама носила эту фамилию до того, как попала в семью Лелика и Ляли и получила их фамилию.

Тут я подумала, что есть простой способ хоть что-то узнать.

Я включила компьютер и запустила поисковую программу, задав в строке фамилию «Аскольдов».

Фамилия эта не очень распространенная, я нашла только одного ученого-химика, одного режиссера и одного специалиста по турбинным лопаткам.

Ну, и еще была большая статья про князя Аскольда, который правил в Киеве в девятом веке вместе с братом своим Диром и ходил походом на Царьград. Там еще упоминалась опера композитора Верстовского «Аскольдова могила». Я даже прослушала хор девушек из этой оперы, но все это мало мне дало, чтобы не сказать ничего.

От этих бесплодных поисков у меня только разболелась голова и в ушах как-то неприятно бухало.

В какой-то момент я осознала, что это не просто шум в ушах, мне показалось, что я слышу голос той несчастной, и голос этот раз за разом повторяет странное слово: «Нибрас... Нибрас... Нибрас...»

Да, ведь она написала это слово собственной кровью на кафельном полу.

Написала она это слово из последних сил, умирая, – значит, считала, что это очень важно.

Да и мне самой казалось, что я когда-то слышала это странное слово, и оно меня отчего-то пугало.

Я задала в поисковой строке то самое загадочное, непонятное слово – «Нибрас».

И компьютер тут же выдал мне информацию:

«Нибрас – один из низших демонов, в некоторых источниках упоминается как спутник Люцифера. В отдельных восточных манускриптах Нибраса называют повелителем крыс, в других ему приписывают удивительный, гипнотический голос».

Здесь же было несколько средневековых гравюр, на которых были изображены всевозможные монстры и чудовища, составляющие свиту Сатаны.

Среди них был отмечен демон по имени Нибрас.

На одной гравюре он был изображен в виде существа с восемью ногами и голым крысиным хвостом, на другой – в виде огромной двухголовой крысы.

Но больше всего меня заинтересовала третья гравюра, где под именем Нибрас был изображен обычный человек – тощий, сутулый, с маленькими злыми глазами и длинным крючковатым носом, облаченный в пестрые, разноцветные лохмотья.

Отчего-то при виде этого изображения у меня сильно забилося сердце...

Кроме этих статей и изображений я нашла ссылку на средневековую легенду о том, как в некоей местности в Баварии появился бродяга-чужестранец по имени Нибрас, который ходил из дома в дом и просил подаяние.

Крестьяне гнали этого бродягу прочь, ничего ему не подавали, а иногда бросали в него камни.

Тогда он разозлился и привел неисчислимые полчища крыс, которые съели весь урожай и все домашние припасы, отчего в этой местности начался голод.

Я подумала, что все эти средневековые истории не имеют ко мне никакого отношения, и выключила компьютер.

Голова болела по-прежнему, есть совершенно не хотелось, и я решила, что настало подходящее время для прогулки. Как раз с лестницы послышался топот и шумное дыхание. Правильно, Антон с Маркусом выходят на вечернюю прогулку ровно в девять, говорила уже, что Антон очень аккуратный человек.

На этот раз Маркус недолго меня облизывал, у него были более важные дела.

Днем шел дождь со снегом, к вечеру немного подморозило, и я едва удержалась на ногах, когда Маркус задел меня, увидев вдалеке знакомую ротвейлершу. Он даже не заметил, как я покачнулась, и понесся к своей приятельнице, зато Антон успел меня подхватить.

– Ты сегодня какая-то грустная, – сказал он. – Случилось что-то?

На миг, на один только миг мне захотелось ему рассказать про сегодняшний жуткий день. Да, но если рассказывать про письмо, то придется рассказывать про Лелика и Лялю, то есть про то, что меня удочерили. А я про это рассказывать никому не хотела.

Вот, казалось бы, я взрослый человек, мне двадцать восемь лет, так какое кому дело до моего детства?

Но я никому ничего не говорила, если кто спросит – коллеги там или случайно с кем-то на отдыхе парой слов перекинешься, – я отвечала как есть: что мать моя умерла, отец разменял квартиру, выделил мне однушку, а сам женился на другой. То есть все полностью соответствует действительности. И спрашивающие вполне удовлетворялись этим ответом – мол, девушка не ужилась с мачехой и так далее.

Вот это не соответствует действительности, потому что жену Лелика я ни разу не видела, так что понятия не имею, кто она такая.

Сейчас я посмотрела на Антона и вздохнула.

– Голова болит с утра, наверно, к перемене погоды, завтра снова снег с дождем будет.

– Наверно, – согласился он и больше ни о чем не спрашивал, за это его и ценю.

После прогулки я напилась чаю с мятой и спала крепко и без сновидений. А утром увидела разбросанные мелочи из Аниной сумки и задумалась, что мне со всем этим делать?

Ну, хоть убрать подальше.

И вот, когда я аккуратно складывала в сумку косметику, расческу и кошелек, я заметила еще один маленький карманчик на молнии, куда вчера не догадалась заглянуть.

Там лежала сложенная вчетверо бумажка, которая оказалась квитанцией.

На ней от руки было написано неразборчивым почерком, что принята от Судаковой А. В. книга... дальше было совсем нечитаемо, и потом был адрес, тоже улица профессора Голубикина, только номер дома другой, из чего я сделала вывод, что это адрес мастерской. Что за мастерская, куда сдают книги? Наверно, я что-то путаю.

Я пыталась заняться хозяйством, потому что завтра на работу, а в квартире беспорядок и холодильник пустой. Но все валилось из рук, пока я не сообразила, что меня мучает совесть.

Вдруг у Анны все же была семья? Или кто-то близкий, который сейчас волнуется, обзванивает больницы, и нигде ничего ему не скажут.

В общем, я решила сходить по адресу, который был на конверте. Произвести, так сказать, разведку на местности. Хоть внутренний голос, который иногда позволяет себе давать мне непрошенные советы, был очень против.

Но я его не послушала.

Я долго ехала сначала на метро, потом на автобусе, так что даже корила себя, что не послушалась интуиции, тем более что снег все-таки пошел. Противный и мокрый.

И я вместо того, чтобы сидеть в теплой квартире под пледом и смотреть сериал, тащусь неизвестно куда. Хорошо хоть, внутренний голос помалкивал.

Улица профессора Голубикина представляла собой унылую шеренгу хрущевских пятиэтажек. Перед нужным мне домом номер семнадцать была огромная лужа, по которой малолетний абориген гонял самодельный кораблик.

Одно хорошо: с неба больше не сыпалось никакой мерзости.

Я осторожно обошла эту лужу и подошла к первому подъезду.

На скамейке возле этого подъезда дремала неизбежная старуха в сине-белой бейсболке с логотипом футбольного клуба «Зенит». Шея ее была обмотана таким же зенитовским шарфиком.

На двери подъезда был не домофон, а пережиток прошлого столетия – ржавый кодовый замок. Но и этот анахронизм не работал, кто-то подложил под дверь дощечку, чтобы она не закрывалась.

Я обошла дремлющую старуху, проскользнула в подъезд, поднялась на второй этаж, где находилась нужная мне восьмая квартира.

Дверь квартиры не внушала оптимизма: она была обита порыжелым от времени дерматином, на котором отчетливо виднелись следы когтей неизвестного животного. Рядом с этими следами красной краской было написано «Суки!».

Я опасливо приблизилась к двери и позвонила в дверной звонок.

Из-за двери донеслось прерывистое дребезжание, затем послышались приближающиеся тяжелые шаги, и дверь открылась.

На пороге стоял мужик неопределенного возраста, с небритой, опухшей физиономией, которую украшал застарелый синяк под левым глазом. Одет он был в растянутые на коленях треники и выцветшую майку-алкоголичку.

Честно говоря, я думала, что такие типы уже вымерли, как динозавры, но вот один из них стоит передо мной во всей красе...

– Ты не Люська! – сообщил он, оглядев меня с ног до головы.

– Точно! – ответила я уверенно.

– А тогда чего тебе надо? – спросил он с неприязнью.

– Аня Судакова здесь живет?

Неприязнь в его взгляде превратилась в самую настоящую застарелую ненависть.

– Анька?! – прохрипел он. – Нет здесь этой сучки! Нет и больше никогда не будет!

От его уверенности мне стало боязно. Может, он уже знает про Анину смерть? Да не может быть...

– А не знаете, где она? – спросила я осторожно, на всякий случай попятившись.

– Не знаю и знать не хочу! Я этой шалаве так прямо и сказал: чтобы ноги ее здесь не было! – Глаза его налились кровью, он тяжело, хрипло задышал и рывкнул: – Пр-роваливай! Катись отсюда! Шляются тут всякие, а потом ценные вещи пропадают!

Тут за спиной этого красавца появился молодой человек, представляющий собой его несколько осовремененную, молодежную копию. Вместо растянутых треников на нем были

драные засаленные джинсы, вместо майки – черная заношенная футболка с названием какой-то рок-группы, но физиономия такая же опухшая и небритая, а в глазах проступало что-то удивительно мерзкое.

– Папаша, ты с кем это тут базаришь? – протянул этот тип гнусавым простуженным голосом.

– Да вот, девка какая-то пришла, Аньку спрашивает!

– А-аньку? – Глаза молодого неожиданно радостно заблестели.

Он пригляделся ко мне и проговорил масляным, фальшиво-приветливым голосом:

– Девушка, вы, значит, Анина подруга? Да вы зайдите, зайдите, поговорим! Я вас коньячком угощу... у меня коньячок хороший, я его у знакомого продавца покупаю, он точно не паленый! Вы зайдите, я про Аню все знаю, я ее только сегодня видел...

Да, как же, видел он ее сегодня! Я-то точно знаю, что Ани уже нет в живых.

А он манил меня и улыбался какой-то гнусной улыбкой.

Я отступила к лестнице, но он каким-то образом умудрился обойти меня и оказался у меня на дороге. Лицо его перекопилось, он хищно оскалился и прошипел:

– Говорю тебе, заходи в квартиру!..

Да сейчас, разбежалась! За кого он меня принимает, за полную дуру? Чтобы я своими ногами зашла в эту берлогу!

– Сказал, заходи! – рявкнул он и схватил меня за локоть. – А то хуже будет!

– Ага, – сказала я, не растерялась и как следует пнула его по колену, а сегодня на мне ботинки на толстой подошве, так что получилось очень чувствительно.

Он охнул от боли и неожиданности, запрыгал на одной ноге и отскочил с моего пути.

Я воспользовалась этим обстоятельством и стремглав скатилась с лестницы, вылетела из подъезда и только на улице остановилась, чтобы перевести дыхание.

И тут почувствовала, что руки трясутся, а ноги не идут. И плюхнулась на скамейку рядом со старухой – фанаткой «Зенита». Бабка тут же открыла глаза и спросила молодым голосом:

– У Судаковых была?

– А вы откуда знаете? – по инерции огрызнулась я.

– Да у нас тут слышимость такая... – Она показала на раскрытую дверь и разбитое лестничное окно на втором этаже. – Да эти еще так орут, что на другой улице слышно. Ты Аню, что ли, искала?

– Ее, – вздохнула я, – да только от этих фиг чего добьешься... Еле ноги унесла...

– Так Аня тут не живет давно! – старуха махнула рукой. – Как Райка померла, так эти двое совсем озверели, стали Аньку гнобить почем зря! Она и съехала от греха подальше! А ты кто же ей будешь, родственница, что ли, или так?

Старуха спросила с хитрецей, и я сразу поняла, что она хочет меня подловить. Такие бабки, сидя на лавочках у подъезда, все видят и все про всех знают.

Другое дело, что про таких, как эти Судаковы, и знать-то нечего, сразу все видно. Но мне-то нужно узнать про Аню...

– А вы давно здесь живете? – задала я встречный вопрос.

– Да как дома эти построили, так мы с родителями сюда и въехали, – охотно ответила старуха. – Мне тогда пятнадцать лет было, вот с тех пор тут и живу. Родителей похоронила, мужа тоже, детей вырастила, внуков подняла... – Она остановилась, видимо, сообразив, что мне это совсем неинтересно. – Так кем ты Ане приходишься, я не расслышала? – прищурилась бабка.

– Подруги мы с ней... – вздохнула я, – были раньше... давно... очень давно...

– Давно? В детстве, значит? – оживилась старуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.